

КУЛЬТУРНЫЙ СЛОЙ

ПА

Вишнёвая драма

Пермский театр оперы и балета представил балет «Шехерезада» с участием мировых звёзд

Юлия Баталина

Об идее главного балетмейстера Пермского театра оперы и балета Алексея Мирошниченко поставить балет «Шехерезада» на музыку симфонической сюиты Римского-Корсакова и непременно с участием приглашённой примы Дианы Вишнёвой стало известно ещё два года назад, когда на Дягилевском фестивале — 2017 представляли одноактные балеты на музыку Стравинского с той же звездой.

Планировалось, что «Шехерезада» украсит фестиваль следующего, 2018 года, но пришлось отложить премьеру из-за личных обстоятельств балерины. Наконец свершилось! Изрядно перегретые ожидания балетоманов диктовали повышенный ажиотаж.

Однако впечатления премьеры оставила сложные.

Музыковедов и меломанов ставит в тупик уже название нового спектакля: сюита Римского-Корсакова называется иначе — «Шехеразада», и такое невнимание к первоисточнику многих возмутило; но для Мирошниченко корень «шах» в заглавии был принципиально важен: он ведь не сюжет «1001 ночи» пересказывает, а историю иранской шахини Фарах Пехлеви.

Мирошниченко известен своей любовью к сочинению собственных либретто к классическим балетам — у него даже Дафнис и Хлоя в балете на музыку Равеля оказались французским солдатом и русской балериной в песках Марокко. Так что никакой Шехеразеды, никаких сказок, никаких отсылок к классическому балету Михаила Фокина на ту же музыку Римского-Корсакова. Всё своё.

Вместе с постоянными соавторами — художником-постановщиком Альоной Пикаловой и художником по костюмам Татьяной Ногиновой — Мирошниченко погрузился в историю и культуру Персии, которая, судя по результатам этих исследований, и без сказок богата, красива и очень-очень декоративна. Сценография познавательна, разнообразна и в то же время избыточна — художнику удалось найти хитрый приём, благодаря которому на сцене поместилось много визуальной информации о Персии, но при этом пространство не перегружено: декорации состоят из шести подвижных боксов на колёсиках, которые легко перемещаются и видоизменяются.

Поскольку Алексей Мирошниченко пролог и эпилог своего балета поместил в парижский музей, где открывается выставка иранского искусства, Альона Пикалова в своих лайтбоксах разместила «экспонаты» этой выставки — реплики

Диана Вишнёва и Марсело Гомес в окружении Бессмертных

подлинных классических произведений. В обстоятельных буклетах, выпущенных театром к премьере, об этих предметах подробно написано.

На открытие выставки приходит вдова последнего иранского шаха Мохаммеда Резы Пехлеви, императрица в изгнании Фарах Пехлеви. Разглядывая артефакты покинутой родины, она предаётся воспоминаниям... Как, будучи студенткой французской архитектурной школы, на приёме в посольстве встретила с шахом, как он сделал ей предложение, как короновал её императрицей (шахану), как началась революция и семье пришлось покинуть Иран.

Все эти события проносятся перед зрителем стремительно, пунктиром. Жизнь Фарах Пехлеви — сложная, полная драматизма; она могла бы стать основой большого романа или фильма, но Алексей Мирошниченко оставил из неё лишь одну линию — линию красивого супружества: стремительный роман, пыльное бракосочетание, пыльная брачная ночь, респектабельная роль супруги монарха. И всё. Ни намёка на то, что Фарах была третьей женой шаха, который к моменту их встречи был уже совсем не юн, а также на то, какие страшные бедствия постигли её в изгнании, да и само изгнание скорее угадывается, чем показывается.

В общем, всё чинно-благородно. На протяжении всего балета исполнительница роли императрицы с достоинством несёт свою царственность, успевая девять раз за 50 минут стремительно переодеться во всё более роскошные наряды. Вроде бы для неё предусмотрено три роли: беззаботная студентка, страстная новобрачная, достойная супруга, и у всех этих ипостасей разный хореографический рисунок;

но почему-то запоминается последняя роль, для которой хореограф выбрал приёмы из арсенала драмбалета — элегантные проходы через сцену, эмоциональная мимика и выразительная жестикуляция. На протяжении довольно длинных промежутков времени шахская чета просто стоит в центре сцены в луче света (красивая работа художника по свету Алексея Хорошева), окружённая толпой.

Драмбалет и Мирошниченко — это тема для диссертации. С годами хурдуку пермского балета всё более интересно это советское изобретение. Мирошниченко увлекают «говорящие» жесты, взгляды, элементы пантомимы и особенно — актёрская игра на балетной сцене. Действительно, когда смотришь фото из «Шехеразеды» — те, где есть крупные планы, — кажется, что это очень эмоциональная, очень насыщенная история! Но из зала этого совсем не видно, поскольку богатством, сложностью и разнообразием движений главные партии вовсе не изобилуют. В статике — красота. В динамике — всё теряется.

Ни Диана Вишнёва, ни пермская prima Полина Булдакова, ни знойные исполнители роли Мохаммеда Резы Пехлеви — бразилец Марсело Гомес и пермский кавказец Георгий Еналдиев — не смогли насытить эти роли страстью и жизнью; правда, когда в свадебном вальсе Гомес перекидывает летящую Вишнёву с руки на руку, когда он стелется вокруг неё в брачную ночь, становится понятно: да, это суперпара.

Досадно за пермскую солистку Булган Рэнцэндорж — молодую, красивую и, в общем, вполне умеющую танцевать: ей досталась ходульная роль пожилой императрицы из арсенала балетных матрон,

ровесниц директора балетной труппы Виталия Дубровина, который в этом спектакле играет директора парижского музея, и вот он-то — на своём месте!

Может быть, главные партии выглядят недостаточно выразительно, потому что вокруг — изобретательный народно-сценический танец: ткачи с коврами, чеканщики с золотыми блюдами, водоносы с кувшинами, и все пляшут, и все пляски остроумно придуманы в народной стилистике. Неудивительно, что хореограф отказался от пуантного танца: народно-сценический никогда в пуантах не танцуют.

Да, массовые танцы сделали этот балет. Особая удача — придуманные Мирошниченко образы Бессмертных, эти «тени забытых предков», покрытые растрескавшейся глиной фигуры, которые в прологе сходят со старинных барельефов. Их танец загадочный и довольно активный, сопровождает героиню на всём жизненном пути. Заодно они и лайтбоксы по сцене двигают, позволяют обойтись без рабочих, разрушающих сценическую реальность.

Большим открытием для меломанов стала работа театрального оркестра под управлением Артёма Абашева. Гибридный состав из «старых» и «новых» музыкантов (говорят, что Теодор Курентзис в свои европейские гастроли с Реквиемом Верди специально приглашал музыкантов со стороны, чтобы оставить в Перми часть состава оркестра MusicAeterna для «Шехеразеды») исполнил сюиту Римского-Корсакова абсолютно концертно, музыка не желала довольствоваться ролью сопровождения и рвалась на первый по важности план.

В следующий раз «Шехеразада» будет исполнена во время Дягилевского фестиваля. Это будет единственный балет в его программе.

ФОТО АНДРЕЙ ЧУНТОМОВ